

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

День сменился вечером, и вся жизнь на холмах Даунс замерла — они застыли, залитые жемчужным светом. От покрытой росой травы, словно подернутой серебристым инеем, легкими облачками поднялись испарения и зацепились паутиной на живых изгородах, затянули тонким кружевом низины. Пруды походили на блюдца с густым молоком, и в их матовой поверхности не отражалась даже луна, которая висела совсем низко над землей, круглая и желтая, как глаз огромной кошки, притаившейся перед прыжком на вершине горы.

В эту сияющую безмятежность внезапно упала длинная черная тень, отделившись от каменной норманнской церквушки, такой маленькой, такой затерянной среди просторов Южной Англии, что, несмотря на резкие очертания своей абсиды и крыльев, приземистую башню и стены, пестревшие лишаями, она казалась нереальной, как видение во сне; раздался грохот дубовой двери, лязг тяжелого запора, и появилась фигура человека — пожалуй, менее длинная, чем тень, но не менее черная. Это, разумеется, был священник Бертрам Десмонд, настоятель Стилуотерского прихода.

Он шел в накидке, наброшенной на плечи, но с непокрытой головой. Выбравшись из лабиринта замшелых могильных плит, он миновал два огромных сросшихся тиса, младший из которых по меньшей мере пять столетий назад уже поставлял сырье сассекским лучникам, распахнул калитку и очутился наконец на дорожке. Здесь он остановился, замороженный белизною этой ночи, охваченный внезапным приливом тайной радости, и, глубоко втянув в себя свежий воздух, залюбовался красотой

своего надела — добрых двух сотен акров, простиравшихся в одну сторону от букового леса на высоких склонах Дитчли, а в другую — до поросшей дреком песчаной пустоши, что тянулась вдоль проселочной дороги, ведущей в Стилуотер. Вдали, на востоке, на фоне неба вырисовывались очертания Кольца Чанктонбери, а пониже, среди деревьев, проглядывала нелепая, но такая милая сердцу башенка Броутоновского поместья. На запад уходила равнина, перерезанная меловыми разработками, зиявшими, словно бескровная рана, и грядой насыпей, которые якобы сохранились здесь со времен римлян, а скорее всего, были остатками старинных обжигаемых печей. Дальше виднелись домики рабочих, они стояли рядом — все шесть, — словно грибы, а повыше дороги слабо мерцали огоньки деревни. Внизу, у ног настоятеля, ярко переливался огнями его дом.

Дом был внушительный, в духе Георгиевской эпохи, с окнами в стиле Палладио и большим портиком, покоящимся на колоннах с каннелюрами и (счастливая мысль!) обнесенным балюстрадой, — словом, настоящий загородный дом; прапрадед нынешнего владельца каноник Хилари Десмонд построил его в 1780 году из местного белого камня (каменоломня, откуда он добывался, расположенная поблизости, к счастью, теперь истощилась). Сохранились и следы более ранних построек, относящихся к эпохе Тюдоров: кирпичный амбар и конюшня, различные службы, а также прелестная старинная стена из кремневой гальки и круглых камешков, опоясывающая обширный огород. И сейчас, окруженный нежно-зелеными лужайками, вдоль которых шел бордюр из клумб с тюльпанами и примулами и еще не вполне расцветшими розами, дом этот, стоявший на площадке, похожей на шестигранник солнечных часов, где с южной стороны, точно статисты в древнем хоре, выстроились ряды старых яблонь в полном цвету, а подъездную аллею охранял гигантский дуб, — этот маленький Бленхейм¹, такой неотделимый от всего окружающего и неизменный, его дом, в течение стольких лет служивший кровом Десмондам, преисполнил сердце настоятеля особой теплотой и гордостью.

¹ *Бленхейм* — дворец в Англии, местопребывание герцога Мальборо. (Здесь и далее примеч. перев.)

Его предки осели здесь, должно быть, со времен Вильгельма Завоевателя. Один из них — его светлость д'Эсмонд, рыцарь, участвовавший в Крестовых походах, — лежал тут, в маленькой церквушке, под мраморной плитой с его изображением, от которого какой-то вандал-турист — увы! — отбил горбатый нос. И если фамилия их с тех пор несколько изменилась соответственно особенностям местного произношения (тут едва ли применимо «была исковеркана»), то разве это не означало, что они теперь связаны более прочными узами с доброй сассекской землей? Они преданно служили родине на трех поприщах, приличествующих дворянину: прежде всего — в церкви, а также в адвокатуре и в армии. Брат настоятеля, Хьюберт, после долгой и плодотворной службы на границах Афганистана ушел в отставку в чине генерала и поселился в «Симла Лодж», в пятнадцати милях отсюда. Тем не менее он продолжал поддерживать связь с военным министерством, а в свободное время занимался выращиванием груш по новейшим научным методам. На памяти всей их семьи только один из Десмондов опустился до торговли; в начале царствования королевы Виктории некто Джозеф Десмонд, брат деда настоятеля, вздумал открыть торговлю церковной утварью. Но поскольку дело это было в общем благое и принесло немалые доходы, дядюшкин промах считался хоть и достойным сожаления, но не таким уж непростительным.

— Добрый вечер вам, сэр.

Погруженный в свои думы, настоятель и не заметил коренастой фигуры старика Моулда, своего старшего садовника и одновременно церковного сторожа, который, прихрамывая, направлялся к церкви, чтобы запереть ее на ночь.

— Добрый вечер, Моулд. Я уже закрыл церковь, так что поворачивайте назад и пойдемте вместе домой. — Настоятель помедлил и хоть и не объяснил, зачем в такой неурочный час ходил в церковь, однако слишком велика была владевшая им радость, он не удержался и сказал: — Вы знаете, сегодня приезжает Стефен.

— Точно я мог забыть про это, сэр. Очень уж новость-то приятная. Надеюсь, у него найдется время поохотиться со

мной на зайцев. — И совсем другим, более серьезным тоном добавил: — Видать, он скоро у нас и проповедником станет.

— Ему еще надо немного подучиться, Моулд. — Они шли рядом по дорожке, Бертрам улыбнулся. — Хотя вам, наверно, было бы куда приятнее слушать юнца, только что окончившего Оксфорд, чем такого старого чудака, как я.

— Нет, пастор, вы так не говорите. Уж я-то Десмондов знаю: недаром служу им пятьдесят лет. И чего-чего, а таких проповедей во всем графстве не услышишь.

Это трогательное доказательство чуть ли не рабской преданности их роду еще больше укрепило радужное настроение настоятеля. Терпкий запах примул показался ему необычайно сладким, а жалобное блеяние овец в загонах — таким трогательным, что он ощутил стеснение в груди. Ах эта Англия, подумал он, и тут, в самом сердце ее, — драгоценная жемчужина, этот Ноев ковчег, плывущий по волнам лунного света, его маленький приход, который будет приходом Стефена; здесь все подчинено прочным, раз и навсегда заведенным устоям, и ни время, ни обстоятельства не властны ничего изменить.

— Нам самим не справиться будет с багажом. Вы не скажете Алберту, чтобы он зашел помочь?

— Я пришлю его к вам, хозяин... ежели он дома. Больно много хлопот мне с этим мальчишкой. Не очень-то он услужлив. Но уж я его заставлю... можете не беспокоиться.

— Ничего, Моулд, со временем образумится, — рассудительно заметил Бертрам. — Не будьте с ним слишком строги.

Он расстался со стариком у приземистой сторожки с дверью под аркой и через несколько минут уже стоял в просторном холле своего дома, где его, по обыкновению, поджидала дочь Каролина. Она тотчас поспешила к отцу, чтобы снять с него накидку.

— Еще не приехал? — Он потер руки.

В холле был один серьезный недостаток — из-за высокого потолка и выложенного плитками пола воздух в нем был всегда промозгло-холодный, что не могли устранить даже батареи теплых труб.

— Нет, отец. Но они скоро будут. Клэр поехала за ним на станцию в своем новом автомобиле.

— Придется и нам обзавестись этой дурацкой новинкой. — Лукавая улыбка засветилась в глазах Бертрама, и его узкое лицо с запавшими щеками сразу утратило свою суровость. — Куда удобнее будет объезжать приход.

— Вы, конечно, шутите, отец. — Каролина, отличавшаяся практическим складом ума, была начисто лишена юмора и всерьез приняла слова отца. — Ведь вас так раздражают запах бензина и пыль. И потом — разве я плохо вожу вас в двуколке или вам надоел наш пони?

Предстоящее возвращение Стефена, несомненно, вывело ее из душевного равновесия. Она говорила с бóльшим пылом, чем ей этого хотелось, а ее некрасивое озабоченное лицо покрылось пятнами от бурливших в ней чувств. Но она была жестоко наказана еще прежде, чем успела пожалеть о своем тоне: отец посмотрел на нее отсутствующим взглядом, весь обратившись в слух, стараясь уловить шуршание шин на подъездной аллее. Каролина опустила глаза; ее рыхлое тело на коротких толстых ногах сразу как-то обмякло. Неужели он никогда не оценит ее безграничной преданности, не поймет, что ее единственное желание — служить ему? Ведь она только этим и занималась с минуты своего пробуждения, когда для нее начался день, долгий день, и она, поспешно одевшись без помощи зеркала, взваливала на себя бремя хозяйства, совещалась с поваром о том, что подать на завтрак отцу, расставляла цветы в вазах, обходила сад и ферму, разбирала отцовскую почту, выпроваживала бесцеремонных посетителей, навещала больных прихожан, принимала высухших археологов и туристов, приезжавших на автобусе из Литлси и требовавших, чтобы им разрешили «осмотреть гробницу», и при этом еще находила время следить за бельем отца и штопать его шерстяные носки. А теперь вдобавок ко всему она ужасно простудилась и вынуждена то и дело сморкаться в уже насквозь промокший платок.

— Мама сойдет вниз? — осторожно осведомился настоятель.

— Думаю, что нет. Я, правда, натерла ей виски одеколоном. Но она чувствует себя все еще неважно.

— Значит, мы будем обедать вчетвером.

— Нет, втроем. Клэр сказала по телефону, что, к своему великому огорчению, не может остаться.

— Жаль. Ну ничего... приедет в другой раз.

В тоне настоятеля прозвучало сожаление, однако Каролина почувствовала, что, несмотря на свою привязанность к Клэр, дочери леди Броутон, владелицы соседнего поместья, и горячее одобрение, с каким он относился к молчаливому стовору между нею и его старшим сыном, в глубине души отец был рад, что проведет этот вечер в кругу своей семьи и что Стефен будет всецело принадлежать ему.

Сделав над собой усилие, Каролина сказала ровным голосом:

— Я еще не успела перепечатать ваши тезисы для завтрашней проповеди. Когда вы поедете в Чарминстер?

— О, должно быть, после второго завтрака. Тамошний настоятель — человек далеко не пунктуальный.

— Значит, в два часа. Я отвезу вас. — И вдруг добавила с ревнивым блеском в глазах: — У вас такой усталый вид, отец. А вам предстоит тяжелый день. Не задерживайтесь долго со Стефеном.

— Успокойся, Каролина. Кстати, я надеюсь, ты приготовила нам что-нибудь повкуснее.

— У нас будет сегодня луковый суп и лосось, которого прислал дядя Хьюберт из Тэста, с огурчиком и, конечно, под зеленым соусом; затем бараньи ребрышки с домашними бобами и молодым картофелем. На сладкое Бизли приготовила яблочную шарлотку с кремом, которую так любит Стефен.

— Совершенно верно, дорогая. Помнится, он всегда заказывал шарлотку, когда приезжал из Марлборо. Прекрасно. Постой-ка, это не мотор там урчит?

И в самом деле, послышался глухой ритмичный рокот; подойдя к двери, настоятель распахнул ее и увидел у подъезда небольшую закрытую машину «де дион», из которой, когда она перестала сотрясаться и вздрагивать, вдруг — словно из шкапулки с секретом — выскочили две фигуры.

— Стефен!

— Как поживаете, отец?.. А ты, Каролина? Дэви здесь?

— Нет еще... У него каникулы начнутся в понедельник.

В полосе света, падавшей из подъезда, возникла фигура худощавого мужчины ниже среднего роста во всем темном, который с трудом тащил большой кожаный чемодан, ибо сын Моулда так и не появился; мелькнули тонкие черты, красиво вырезанные ноздри, узкое задумчивое, пожалуй, чересчур серьезное лицо. Затем, выждав, пока семейство поздоровается с гостем, из темноты на свет вышла высокая девушка в шоферских перчатках и длинном клетчатом пальто. Даже нелепая шляпа с вуалью, напоминающая по форме пшеничную лепешку, — принадлежность автомобилистки, которую Клэр надевала, лишь уступая настояниям матери, — не могла испортить впечатления, производимого этой уравновешенной, хорошо воспитанной молодой особой. Тон, каким она заговорила, подойдя к маленькой группе у подъезда, лишь подкрепил это впечатление.

— К сожалению, нам пришлось оставить кое-что из вещей на вокзале. Моя машина слишком мала для сундуков.

— Не беспокойтесь, дорогая Клэр. Мы пошлем за сундуком завтра. — Настоятель отеческим жестом положил руку ей на плечо: — А вы бы не могли все-таки остаться с нами?

— Увы, никак не могу. К маме должны прийти люди из деревни... какой-то сельскохозяйственный комитет... арендаторы... Эту встречу никак нельзя было отложить.

— Ну что поделаешь! Не так-то легко быть хозяйкой поместья. Какой сегодня чудесный вечер, правда?

— Великолепный! Когда мы выехали из Халборо, было светло как днем... — Голос ее потеплел, она повернула голову; тень от уродливой шляпы сместилась, и показалось лицо с тонким, точеным профилем. — Стефен, правда было красиво?

Он стоял все это время молча и теперь, казалось, лишь с трудом вышел из своего оцепенения.

— Да, поездка была приятная. — Затем, словно чувствуя, что надо еще что-то сказать, добавил с несвойственной ему шутливостью: — Только в одном месте мне показалось, что нам придется выйти и подталкивать машину сзади.

— Это было на холме Эмбри, — рассмеялась Клэр. — Я плохо управляюсь с тормозами и никак не могла взять подъем. — Ее улыбка на миг сверкнула в темноте подъезда. — Не буду вас задерживать. Доброй ночи. Приезжайте к нам поскорее... Завт-

ра, если сможете. И берегите себя, Каролина, вы совсем простужены.

Когда она уехала, Бертрам обнял сына за плечи и повел в дом.

— Как хорошо, что ты приехал, Стефен. Ты и понятия не имеешь... Впрочем, ладно... Как ты расстался с Оксфордом? И как вообще себя чувствуешь? Проголодался, наверно. Сбегай наверх — поздоровайся с матерью. А потом приходи обедать.

И пока Каролина, у которой глаза и нос покраснели от холодного вечернего воздуха, втаскивала в дом пакет с книгами, забытый на крыльце, отец стоял и смотрел вслед поднимающемуся по лестнице Стефену с выражением нескрываемой любви, граничившей с обожанием.

ГЛАВА II

После прекрасного обеда, умело поданного двумя горничными — простыми деревенскими девушками, великолепно вышколенными Каролиной, — настоятель, пришедший в благодушнейшее настроение, повел Стефена в кабинет, где уже были задернуты портьеры из драгета и в камине ярко горел превосходный корабельный уголь. Отопление в доме, правда, не отвечало требованиям современности, но каминные были большие и топлива сколько угодно. Комната, куда отец с сыном прошли после обеда, была уютной, несмотря на обилие лепных украшений, — в ней было что-то приятное и веселое, бравшее верх над церковным душком, исходившим от письменного стола с выдвигающейся крышкой, на которой лежали проповеди Пьюзи, «Календарь церковнослужителей» и тщательно сложенный малиновый оранж. У камина стояли два потертых кресла, обитых коричневой кожей; у одной стены возвышалась стеклянная горка с разным огнестрельным оружием, у другой — витрина с монетами саксов, плодами археологических поисков настоятеля, а над камином, под чучелом лисьей головы, переkreщивались два охотничьих хлыста с костяными рукоятками.

Днем, готовясь к приезду сына, Бертрам прошел по подземному коридору в погреб и теперь со слегка виноватым видом взял запыленную бутылку, запечатанную белым сургучом, — она лежала у него на столе, — и, неумело вытянув крошащуюся пробку, налил в два бокала портвейн. Человек он был воздержанный, почти не притрагивался к спиртному и никогда не курил, но возвращение сына было событием, которое следовало отметить по установившейся в семье традиции.

— Эта бутылка была поставлена в погреб еще твоим бабушкой, — сообщил он, поднимая бокал с темно-красным вином и нарочито критическим оком рассматривая его на свет. — Это «Грэхем»... тысяча восемьсот семьдесят шестого года.

Стефен, ненавидевший портвейн, буркнул что-то в знак одобрения из глубокого кресла, где он расположился с бокалом в руках. Его желают видеть в такой роли — что ж, придется подчиниться.

— Портвейн, по-моему, отменный, сэр.

Слова эти пришлись по душе настоятелю.

— Да, твой дед понимал толк в подобных вещах. Это он выложил холл внизу такими красивыми плитками. Ты ведь знаешь, что в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году проводилась осушка Южной луговины и добрая половина труб, с помощью которых это делалось, осталась. Тогда старик решил изрезать их на части и вставить в каждый кусок по бутылке, затем все это сложили в погреб, залили известью — получились настоящие соты... Он, конечно, не был пьяницей, но любил после дня, проведенного на псовой охоте, выпить пинту кларета. Он ведь ходил на охоту до семидесяти лет.

— Удивительный, по-видимому, был человек.

— Он был хороший человек, Стефен. Настоящий английский помещик и джентльмен. — Старик вздохнул. — Лучшей надгробной надписи и не придумаешь.

— Да и бабушка тоже, — почтительно вставил Стефен; по пути из Оксфорда, взволнованно раздумывая о своем будущем, пока поезд мчался мимо полей, фруктовых садов и речных излучин, он твердо решил быть безоговорочно покорным

сыном. — Она была под стать ему. Моулд немало мне про нее рассказывал.

— Да-а, он был очень предан ей... как и вся ее челядь. Но и пришлось же ему из-за нее попыхтеть... — От воспоминаний глаза Бертрама потеплели и засветились. — Ты ведь знаешь, что в последние годы жизни старушка страшно располнела. Ей было трудно передвигаться, и ее возили в кресле, а Моулда, который был тогда в учениках у садовника, приставили к ней в качестве тягловой силы. За это ему платили дополнительно шесть пенсов в неделю. Это была великая честь, но штука весьма утомительная, особенно когда твоя бабушка изъявляла желание отправиться в деревню и надо было вкатить ее на холм Эмбри. Как-то раз летом, когда было очень жарко, Моулд, добравшись до вершины холма, остановился, чтобы вытереть рукавом лицо. Но только он отпустил кресло, как оно покатилося вниз и, набирая скорость, с головокружительной быстротой помчалось под откос. Бедняга буквально оцепенел. Он уже считал себя убийцей своей хозяйки. Вопя от ужаса, кинулся он вниз. А когда добежал до подножия холма... — (скрепя сердце Стефен приготовился рассмеяться: он знал эту историю наизусть), — ...то увидел твою бабушку, которая преспокойно сидела в своем кресле посреди деревенской площади и торговалась с мясником из-за бараньего бока. — Улыбка исчезла с лица Бертрама. — Это была женщина несгибаемой воли. Необычайно добрая. И очень преданная моему отцу. Она умерла ровно через два месяца после него.

Может быть, настоящий в эту минуту подумал о своем собственном браке? Где-то ухала сова. В кладовой, находившейся дальше по коридору, Каролина с излишним грохотом передвигала глиняные кувшины. Бертрам выпрямился и глотнул вина, чувствуя, что надо поскорее прервать молчание, пока оно не стало тягостным. Как странно: он так любит своего сына, а всякий раз, когда они остаются вдвоем, оба испытывают непонятное замешательство. Быть может, это потому, что он слишком любит его? Он никогда не ощущал этой неловкости в присутствии двух других своих детей. Конечно, он любит Каролину, ценит ее преданность и считает дочь «большим подспорьем». Но уродство, которое, по его мнению, обрекало дочь на без-

брачие, невольно уязвляло его чувство отцовской гордости. Что же касается Дэвида, его младшего сына, которому было уже почти тринадцать лет, то тут — уввы! — любовь отходила на задний план, уступая место горечи, жалости и разочарованию. Подумать только, что один из Десмондов — больше того, его сын — оказался эпилептиком, который даже между приступами остается заикой!

Настоятель подавил вздох. Опасно давать волю чувствам. Но сейчас он не мог избежать этого.

— Приятно, что ты так хорошо окончил Оксфорд. Ты великолепно сдал экзамены.

— Ну, не знаю. Перед выпуском я что-то совсем пал духом.

— У меня тоже было такое чувство, когда я кончал колледж Святой Троицы... хотя мне нравилось учиться не меньше, чем тебе.

Стефен промолчал. Разве мог он сказать отцу, что возненавидел университет, возненавидел за дух чопорности и чванства, за оторванность от насущных проблем, за бесконечные занятия спортом, которые не представляли для него никакого интереса, за это иссушающее душу изучение мертвых языков, вызывающее у него зевоту и побудившее его — из чувства противоречия — совершенствоваться во французском и испанском языках, а главное — разве мог он сказать отцу, как возненавидел избранное для него поприще!

А настоятель тем временем продолжал:

— Ты вполне заслужил отдых. Клэр ждет не дождется тебя, чтобы играть в теннис. А дядя Хьюберт приглашал к себе в Чиллинхем... Правда вкусный был сегодня лосось? Это он прислал... У них там гостит сейчас твой кузен Джоффри — он приехал ненадолго отдохнуть.

Стефен упорно молчал. И впервые Бертраму пришлось на ум, что спокойствие сына — чисто внешнее, а под ним таится большое внутреннее напряжение. Щеки его, всегда бледные, были бледнее обычного, а темные глаза казались несоразмерно огромными на узком лице — эти признаки с самого раннего детства указывали, что Стефен испытывает душевную или физическую боль. «Он не из крепких; будем надеяться, что он не

болен», — с внезапной тревогой подумал Бертрам и поспешно заботливо сказал:

— Тебе, конечно, надо отдохнуть. До июля можно не думать о практике в Лондоне. Предположим, она займет у тебя пять месяцев, в таком случае твое посвящение в сан придется как раз на Рождество — самое подходящее для этого время.

Стефен стряхнул с себя оцепенение. Как долго он жил в предвидении этой страшной минуты — пытался, по совету своего друга Глина, приблизить ее и потом в волнении отступал; написал добрый десяток писем и порвал — все до одного. И сейчас, когда минута эта все-таки наступила, он почувствовал дурноту и внутри у него все похолодело.

— Отец... я должен с вами поговорить.

— Да? — Настоятель поощрительно кивнул и сложил вместе кончики пальцев.

Молчание. «Очевидно, речь пойдет о деньгах, — снисходительно подумал настоятель. — Какой-нибудь неоплаченный должок по колледжу». Но тут сбивчиво прозвучало:

— Я не хочу принимать сан священника.

Лицо настоятеля даже не дрогнуло — слова сына были столь неожиданны и безгранично удивительны, что черты старика застыли, будто скованные внезапной смертью. Наконец, словно не поняв, он переспросил:

— Ты не хочешь принимать сан священника?

— Я чувствую, что не гожусь для этого... я не умею ладить с людьми... у меня нет организаторского дара... Даже ради спасения собственной жизни я не мог бы произнести приличной проповеди...

— Все это придет со временем. — Бертрам выпрямился и теперь сидел насупившись. — Мои проповеди тоже не отличаются особым блеском. Но этого и не требуется.

— Но, отец, дело не только в этом. Меня не интересует миссия священника. Я... я чувствую, что не способен заменить вас здесь...

Прерывистая речь Стефена навела настоятеля на мысль, что его первоначальные догадки были правильны, и, несколько успокоившись, он сказал примирительно:

— Ты устал и измучился, мой мальчик. Все мы порой падаем духом и разочаровываемся в жизни. Ты почувствуешь себя совсем иначе после нескольких прогулок по окрестностям.

— Нет, отец. — Тяжело дыша, Стефен напряг всю свою волю. — Это у меня уже давно. Не могу я запереться в этой глуши... обречь себя на бессмысленное, жалкое существование.

Что он сказал? В своем отчаянии он употребил явно не те слова. Боль во взгляде отца обожгла его. Минута невыносимо тяжкого молчания. Затем:

— Я не знал, что ты так смотришь на Стилуютер. Приход у нас, быть может, и правда маленький. Но наша роль в стране измеряется, пожалуй, не размерами площади, а чем-то другим.

— Вы не поняли меня. Я люблю Стилуютер... Здесь мой дом. И я знаю, как глубоко уважают вас на много миль вокруг. Я говорю о другом... и вы, конечно, понимаете, что я имею в виду, что я считаю своим призванием в жизни.

Настоятель резко откинулся в кресле, затем, словно прозрев, испуганно воззрился на сына.

— Стефен... неужели опять эта дикая идея?

— Да, отец.

И снова звенящая тишина разделила их. Настоятель поднялся с кресла и сначала медленно, затем со все возрастающей стремительностью зашагал по комнате. Наконец усилием воли он взял себя в руки и, подойдя к Стефену, остановился перед ним.

— Милый мой мальчик, — очень серьезно начал он. — Я никогда не пытался воззвать к твоему чувству долга и таким образом привязать тебя к себе. Даже когда ты был совсем маленький и еще не ходил в школу, я предпочитал воздействовать на тебя с помощью естественных чувств любви и уважения. Однако ты должен понять, сколько надежд я возлагал на то, что ты унаследуешь мое место. Стилуютер так много значит для меня... для всех нас. Обстоятельства моей жизни... болезнь твоей матери... злополучное состояние здоровья Дэвида... то, что ты мой старший и — не сердись на меня за это... — тут голос его слегка дрогнул, — глубоко любимый сын... побудили меня связать все мои надежды с тобой. Однако сейчас я оставляю

все это в стороне. Клянусь тебе честью, я думаю прежде всего о тебе, а не о себе, когда говорю — я бы должен сказать: прошу, выбрось из головы твою нелепую мечту. Ты и сам не понимаешь, к чему это тебя приведет. Ты не должен... не можешь пойти по этому пути.

Стефен опустил глаза, чтобы не видеть, как подергивается щека отца.

— Но ведь имею же я право сам устроить свою жизнь. — Сквозь сыновнюю почтительность прорывался скрытый бунт.

— Только не так. Этот путь приведет тебя лишь к гибели. Отказаться от блестящей перспективы, загубить свою карьеру из-за какой-то прихоти — да это же кощунство! И потом, Клэр... где, ради всего святого, ее место в такой жизни? Нет-нет. Ты еще слишком зелен для своих лет, Стефен... Эта безумная идея, которая овладела тобой, кажется тебе сейчас бесконечно важной. Но через несколько лет ты будешь сам над собой смеяться и дивиться, как такое вообще могло прийти тебе в голову.

Глубоко забившись в кресло, раскрасневшийся, не смея поднять глаза, Стефен не мог придумать ни единого слова в ответ — мысли его притупились и стали какими-то ватными после выпитого портвейна. В эту минуту он, без всякого преувеличения, ненавидел отца... и в то же время его терзал стыд за то, что он так ответил на отцовскую привязанность, мучило сознание, что в словах отца была своя правда, и главное — им овладела грусть, теплой волной подымавшаяся откуда-то из глубины души при воспоминании о детстве: о веселых поездках в двуколке, запряженной пони, на вершину Эмбри (отец небрежно опустил поводья, Кэрри сидит в чистеньком белом передничке, а рядом с ней Дэви, впервые надевший короткие штаны из тонкой белой шерсти), о пикниках на Эйвоне (блики жаркого солнца на прохладной воде, и дикая утка вдруг взлетает из желтых камышей, раздвигаемых носом плоскодонки), о пении рождественских гимнов всей семьей вокруг елки, когда окна запорошены снегом... Ох, до чего же нелегко сбросить с себя эти сладостные пути!

Бертрам подошел и не властным, а каким-то трогательно-уважительным жестом положил руку на плечо сына.

— Поверь мне, речь идет о твоём счастье, Стефен. Не можешь ты... не сможешь так ожесточить своё сердце, чтобы пойти против меня.

Стефен не смел поднять глаза, боясь, что не сумеет совладать с собой и расплечется. Он был побежден... во всяком случае, сейчас.

А ведь он собирался бороться, ожесточенно бороться и поклялся Глину, что победит.

— Хорошо, — пробормотал он наконец, испив до конца чашу горечи, какую поражение приносит мягким, но страстным натурам. — Если вы так этого хотите... я попробую поехать в Дом благодати... Посмотрим, что из этого получится.

ГЛАВА III

Бертрам медленно поднимался наверх. Он испытывал огромное облегчение, но не менее огромным было и внезапно возникшее чувство усталости, а также чувство не покидавшей его тревоги. У двери в спальню жены он остановился, склонив голову набок, прислушался, затем легонько постучал и, инстинктивно призвав на помощь все своё мужество, вошел.

Спальня его жены представляла собой большую комнату, которая в прошлом была верхней гостиной; покойный каноник Десмонд считал ее лучшей комнатой в доме, очевидно, из-за правильных пропорций и местоположения, так как окна ее выходили на восток, а потому не только распахивались навстречу утреннему солнцу, но и позволяли любоваться видом на холмы Даунс. Избрав эту комнату в качестве своей спальни и гостиной, жена Бертрама сохранила кое-что из первоначальной обстановки: стулья с мягкими сиденьями, вышитыми крестиком, чиппендейловскую кушетку, большое полукруглое зеркало в гипсовой раме, висевшее над белым мраморным камином, и красный брюссельский ковер. Заслонившись экраном от сквозняка, Джулия Десмонд лежала в постели под атласным одеялом и читала. Это была хорошо сложенная, прекрасно сохранившаяся сорокапятилетняя женщина с приятным, необычайно беспечным выражением пухлого гладкого лица и густой копной

каштановых волос, образовавших на подушке нечто вроде облака.

Отметив бледным ногтем место в книге, на которой был нарисован один из знаков зодиака, Джулия приподняла тонкие брови и обратила на мужа вопрошающий взгляд. Глаза у нее под мясистыми бледными веками были голубые-голубые, точно незабудки, — такие бывают обычно у младенцев.

— Вот Стефен и снова дома, — сказал настоятель.

— Да... Мне показалось, что милый мальчик неплохо выглядит.

Можно было не сомневаться, что она скажет своим томным, аристократическим тоном нечто прямо противоположное мнению мужа.

— Как голова?

— Благодарю, лучше. Я сегодня днем сидела слишком долго на солнце. Это раннее весеннее солнце очень коварно. Но я уже приняла все необходимые меры.

По приспособлению, лежавшему на маленьком столике, он понял, что она только что закончила вибрационный массаж. На выступе камина стоял металлический чайник, из носика которого со свистом вырывалось веселое перышко пара, указывавшее на то, что через четверть часа будет принесен экстракт из отрубей и из него приготовлено снадобье; затем будут раздавлены и проглочены таблетки дрожжей, принята ложка йогурта — или это теперь не йогурт, а сухие морские водоросли? Потом будет заново наполнена горячей водой грелка, подброшены на ночь дрова в камин, притушен свет, намочены кусочки марли и положены на глаза. И снова — хотя, призвав на помощь весь запас христианского долготерпения, он гнал от себя эти мысли — перед ним возник вечный вопрос: зачем он, собственно, женился на ней?

Она была, конечно, красива своеобразной красотой статуэтки — этого нельзя отнять у нее даже сейчас — и, будучи единственной дочерью сэра Генри Марсдена из Хейзелтон-парка, считалась в то время в их графстве «завидной партией». Кто бы мог предположить, глядя на нее, когда она, такая юная, с горделивой осанкой лебеда, принимала, например, гостей в Хейзелтон-парке во время летнего праздника или, улыбающаяся, но

сдержанная, окруженная молодыми офицерами из Чарминстерских казарм, вызывала всеобщее восхищение на охотничьем балу, — кто бы мог предположить, что у нее со временем разовьются такие странности или из нее выйдет такая никчемная жена?

Если не считать нескольких летних празднеств, которые они устроили в первые годы своего брака, когда в широкополой шляпе, волоча за собой зонтик в кружевных оборках, она грациозно бродила по лужайкам, Джулия с непоколебимой решимостью отказывалась что-либо делать для прихожан. Господь Бог, мило заявляла она, создал ее не для того, чтобы носить суп бедным поселянам или растрачивать здоровье, корпя над приданным для младенцев, и тем самым поощрять их появление на свет. К счастью, жена епископа полюбила ее, но с женами духовенства рангом ниже Джулия ни за что не желала общаться. Она предпочитала проводить время у окна или в розарии, где просиживала, разодевшись в пух и прах, за бесконечным вышиванием шелками, то и дело отрываясь от этого занятия и подолгу глядя в пространство, или вдруг, осененная внезапной мыслью, принималась записывать, что надо сказать доктору, к которому, давно разуверившись в местном враче, она ездила два раза в месяц в Лондон. Дети, которых она родила с поразительной легкостью и беспечностью, представляли для нее лишь эпизодический интерес. Она терпела их постольку, поскольку они не вносили неудобств в ее жизнь. Однако ее отрешенность постепенно возрастала, и она все больше замыкалась в себе, в своем особом мире счастливой ипохондрии, сосредоточив все интересы на физических функциях своего организма. И теперь — мог ли он, о боже, предвидеть это, когда в насыщенный ароматом роз день, двадцать лет назад, чуть не умер от блаженства и мучительной сладости ее душистого поцелуя? — теперь ничто в такой мере не интересовало ее, ничто не доставляло ей большего удовольствия, как мило рассуждать с ним о цвете и консистенции своего стула.

Пожалуй, чучело боевого коня (память о Балаклаве), стоявшее в холле ее отца, могло бы послужить предупреждением будущему настоятелю, но — увы! — кто бы мог предсказать, что отец Джулии, который до семидесяти лет был лишь милым чудаком, возившимся в свободное время со всякой механикой

(он, например, предпринял электрификацию своего поместья с помощью снабженных парусами ветряных мельниц или занимался таким безобидным делом, как изобретение скорострельного ружья, которое, хоть и не было принято на вооружение военным ведомством, все же поразило в мягкое место их старого и верного дворецкого), кто, спрашиваю я вас, мог бы подумать, что этот неутомимый чудаковитый человек под конец совсем выживет из ума и возьмется за грандиозный проект создания летательного аппарата, причем, заметьте, не простого, на каком впоследствии перелетел через Ла-Манш Блерио (хотя и это уже само по себе было бы великим злом), а сложной конструкции с диковинными винтами, которая якобы могла подняться вертикально в воздух, — словом, вертолета. Таким образом, бросая вызов законам земного притяжения, сэр Генри принялся строить в своем прелестном парке сараи и ангары, выписал из-за границы рабочих, инженеров, бельгийца-механика, стал сорить деньгами направо и налево — короче говоря, довел себя до банкротства и, так и не воспарив над нашей грешной землей, умер всеобщим посмешищем. В результате в Хейзелтон-парке, который мог бы принадлежать Джулии, теперь женская школа, в большом ангаре устроили гимнастический зал, а сараи — свежечернокопанные страшилища — превратили в склады для грязных хоккейных клюшек и рваной спортивной обуви.

Неужели, в приливе отчаяния подумал Бертрам, эта наследственная неуравновешенность и заговорила сейчас в Стефене? Нет-нет... не может быть. Мальчик слишком похож на него и по складу ума, и внешне — в нем все от отца, это его второе «я». Однако владевшая им тревога и затем эта тягостная догадка побуждали настоятеля, вопреки здравому смыслу, открыть женскую школу и искать у нее утешения.

— Знаешь, моя дорогая, — сказал он, — я считаю, что мы должны приложить все усилия, чтобы развлечь Стефена и как-то встряхнуть его.

Джулия в изумлении уставилась на мужа. Она обладала удивительной способностью понимать все буквально.

— Мой дорогой Бертрам, ты же прекрасно знаешь, что я не в состоянии делать какие-либо усилия. И потом, почему мы должны встряхивать Стефена?

— Я... я тревожусь за него. Он и всегда-то был необычным ребенком. А сейчас у него такой тяжелый период.

— Тяжелый период, Бертрам? Разве он не вышел из переходного возраста?

— Конечно вышел... Но ты же знаешь, как бывает с молодыми людьми. У них весной появляются такие странные идеи.

— Ты хочешь сказать, что Стефен влюбился?

— Нет... впрочем, конечно, он равнодушен к Клэр.

— В таком случае что же ты имеешь в виду, Бертрам? Он ведь не болен. Ты сам минуту назад сказал, что он отлично выглядит.

— Не я, а ты это сказала. — В тоне Бертрама невольно проскользнуло раздражение. — По-моему, он вовсе не хорошо выглядит. Но я вижу, ты не склонна разделять мою тревогу.

— Если ты пожелаешь сообщить мне, в чем твоя тревога, мой дорогой, то я с удовольствием выслушаю тебя. Но неужели надо волновать еще и меня — разве не достаточно того, что ты сам волнуешься? По-моему, я выполнила свою роль, производя детей на свет. Должна тебе сказать, что в этом занятии, от начала и до конца, очень мало приятного. А остальное уж твоя забота. Я никогда не вмешивалась в то, что ты делал. Почему же ты хочешь, чтобы я вмешалась сейчас?

— Ты права. — Он попытался побороть в себе горечь. — Тебе, конечно, будет глубоко безразлично, если Стефен погубит свою жизнь. Послушай, Джулия, в нем есть что-то, чего я не могу понять и что он скрывает глубоко в душе. О чем он на самом деле думает? Кто его друзья? Помнишь, когда Джофри был у него в прошлом году в колледже Святой Троицы, он встретил у нашего мальчика совершенно немыслимого человека... какого-то проходимца, как назвал его Джофри... нищего художника... валлийца...

Он умолк, чуть ли не с мольбою глядя на жену, так что она вынуждена была в конце концов откликнуться.

— А что ты имеешь против валлийцев, Бертрам? — мягко спросила она. — У них такие красивые голоса. Этот валлиец пел?

— Нет, — вспыхнув, ответил Бертрам. — Он все время уговаривал Стефена поехать в Париж.

— Молодые люди и раньше туда ездили, Бертрам.

— Согласен. Но на сей раз поездка затевалась не в обычных целях.

— А в каких же? Ради чего же еще туда ехать, если не ради француженок?

— Чтобы заниматься живописью!

Наконец он произнес это слово, он заставил себя его произнести и теперь напряженно, но не без чувства облегчения ждал, что она скажет.

— Должна признаться, Бертрам, я не вижу в этом особой беды. Помнится, когда мы ездили с папой в Интерлакен, я писала на озере прелестные маленькие акварели. В голубых тонах. А Стефен всегда любил рисовать. Ты же сам первый подарил ему краски.

Он больно прикусил губу.

— Но теперь это не детские забавы, Джулия. Знаешь ли ты, что он уже целый год, не говоря нам ни слова, ездил из Оксфорда в Слейд и там занимался живописью в вечерних классах?

— Слейд — вполне приличное заведение. У Стефена будет бездна свободного времени в промежутке между его проповедями, и он вполне сможет рисовать. А живопись так успокаивает нервы.

Бертрам еле удержался, чтобы не прикрикнуть на нее. С минуту он сидел потупившись, затем, учащенно дыша, но тоном человека, одержавшего верх в споре, сказал:

— Надеюсь, ты права, дорогая. Я, наверно, зря волнуюсь. Конечно, он образумится, когда приедет в Лондон и с головой окунется в работу.

— Конечно. И знаешь, Бертрам, я решила в будущем месяце ехать не в Харрогейт, а в Чэлтенхем. В тамошних водах есть минеральные соли, которые, говорят, очень способствуют выделению желчи. А когда доктор Леонард в последний раз делал анализ моей мочи, он обнаружил большой недостаток солей.

Еле слышно Бертрам поспешил пожелать жене доброй ночи, пока с языка не сорвалось что-нибудь лишнее.

Когда он вышел из комнаты, до слуха его донеслось неторопливое постукивание машинки — это Каролина неутомимо печатала тезисы его завтрашней проповеди.

ГЛАВА IV

Серым дождливым днем полтора месяца спустя, закончив обход прихожан, Стефен медленно брел по Клинкер-стрит в Восточном Степни. От едкого сернистого дыма, который тянулся из лондонских доков, узкая улица казалась еще более скучной, а воздух — таким тяжелым, что трудно было дышать. Ни света, ни ярких красок — лишь унылый ряд пустых телег, грязная мостовая, ломовая лошадь пивовара плетется под дождем в облачке пара от собственного дыхания, возница согнулся под куском дерюги, с которой стекает вода. Мимо промчался автобус, идущий в западные районы столицы, и, когда Стефен уже сворачивал к Дому благодати, обдал его грязью.

Здание из красного кирпича, к которому он направлялся, стоявшее в ряду других домов с осыпающейся штукатуркой, покосившихся и осевших, точно древние старики, сейчас больше, чем когда-либо, показалось Стефену похожим на маленькую, но весьма совершенную тюрьму. В эту минуту входная дверь широко распахнулась и на пороге появился отец-наставник, достопочтенный Криспин Блисс — высокий, тощий, облаченный в длинный, до пят, черный макинтош. Он держал в руках сложенный зонт и, поворачивая в разные стороны нос, как бы принимался, определяя погоду. Стефен понял, что встреча неизбежна, и взошел на крыльцо.

— А, Десмонд... Уже вернулись?

Тон был не очень дружелюбный, Стефен чувствовал, что человек этот старается относиться к нему с приязнью, но, несмотря на все свои добрые намерения и требования братской любви, не может пересилить себя. Достопочтенный Криспин Блисс, брат из монастыря Святого Кузберта, был ряным священнослужителем, который в поте лица своего трудился на благо ближних, возделывая сей неблагоприятный виноградник. Приверженец евангелистского направления в англиканской церкви, он принадлежал к числу людей, искренне верующих и довольно узколобых. Если же говорить о его человеческих качествах, то они оставляли желать лучшего: Блисс был сух, педантичен, обидчив и одержим манией величия. Неблагоприятное впечатление производила и его манера ходить, высоко подняв голову, его

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	101
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	215
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	273
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	397

Кронин А.

К 83 Памятник крестоносцу : роман / Арчибальд Кронин ; пер. с англ. Т. Кудрявцевой, Т. Озерской. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 480 с. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-13494-2

Жизнь Стефена Десмонда была предопределена с самого рождения — сын священника, он был отправлен, согласно семейным традициям, изучать теологию, чтобы затем стать настоятелем в сельской глубинке. Однако душа Стефена воспротивилась подобной судьбе, он давно принял решение стать художником, увидеть мир и запечатлеть его в красках и линиях. Вопреки воле отца Стефен отправляется в погоню за мечтой, навстречу тяжелым испытаниям, горьким разочарованиям и великим надеждам.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

АРЧИБАЛЬД КРОНИН
ПАМЯТНИК КРЕСТОНОСЦУ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректор Лариса Ершова

Подписано в печать 20.12.2017. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 30. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ILN-21677-01-R